

ругви, держимыя по сторонамъ, вертѣли кругомъ—въ знакъ радости. Пѣли и по-русски, пѣвцы и русскіе паломники. Къ канону патріарху поставили кресло противъ кувукліи, ближе ко входу въ большой храмъ, и для митрополитовъ также. Патріархъ, ставши у кресла, пригласилъ насъ чрезъ іеромонаха, стать рядомъ съ его кресломъ; здѣсь мы простояли всю утреню и литургію. Канонъ пѣли пѣвчіе по клиросамъ. Напѣвъ—нельзя сказать, чтобы былъ радостный, скорѣе унывный. 9-ю пѣснь пѣли съ канонархомъ: патріархъ пѣлъ одинъ, потомъ его намѣстникъ—архіепископъ Мелетій, прочіе стихи—другіе митрополиты, по единому. Кадили также по очереди всѣ митрополиты, а 4 діакона ходили съ трикиріями. Крестъ держали безъ сулка и цвѣтовъ, съ одной свѣщей,—но сзади креста, а не предъ крестомъ. Свѣтиленъ пѣвцы спѣли очень хорошо. Какъ-то незамѣтно для насъ началась и литургія. Антифоны пѣли хорошо. На пѣніи „Оси исъ,“ т.-е. Елицы, во Христа“, выходилъ патріархъ съ крестомъ и трикиріемъ, и 1-й разъ говорилъ по гречески, а 2-й—по-русски: „Господи, Господи, призри съ небесе“, а не какъ въ господствующей церкви: „призри съ небесе“. Пѣвцы тихо припѣвали: „киріе елейсонъ“ и „Господи помилуй.“ Апостолъ и Евангеліе читали на 3-хъ языкахъ: греческомъ, славянскомъ и арабскомъ,—не важно.

„Херувимскую“ спѣли очень хорошо: псалтъ тихо началъ, а мальчики, по обычаю, тянули одну ноту, изрѣдка выговаривая слова. Одѣты мальчики были въ бѣлыя рубахи, а поверхъ—безрукавки атласныя, темно-голубаго цвѣта,—какъ есть хохлушки... Псалтъ-теноръ—„заливался“, забирая иногда очень высоко. Долго тянулась Херувимская пѣснь, ибо по обычаю грековъ въ это время архіереи проскомисаютъ одинъ по одному. Проскомидія совершалась—какъ и въ Субботу—на камнѣ Гроба Господня. Выходъ, какъ и съ Евангеліемъ, совершался вокругъ часовни Воскресенія, среди солдатъ и въ предшествіи кавасовъ, постукивающихъ своими булавами въ церковный каменный помостъ. Поминали по-гречески и по-русски „всѣхъ васъ“. Патріархъ поминалъ нашего Государя, Государыню и Наслѣдника. Были и причастники. Мы въ это время по предложенію іеромонаха, прошли въ главный олтарь, куда вскорѣ взшелъ и патріархъ, гдѣ мы и христовались съ нимъ и съ митрополитами и другимъ духовенствомъ. Но русскіе чуждались насъ, а мы не заискивали. Вообще и здѣсь—на мѣстѣ, гдѣ Господь Своею крестною смертію примирилъ земная съ небесными, русское духовенство не оставляло своей вражды къ намъ, тѣмъ болѣе, что видѣли такое любезное отношеніе къ намъ патріарха и другихъ высшихъ духовныхъ лицъ греческихъ. Одинъ только іеромонахъ Сергій изъ Саратова (Ермогенецъ) иногда заговаривалъ съ нами.

Провожали патріарха все духовенство, но безъ пѣнія. Прошли и мы за нимъ изъ храма на площадку, а потомъ повернули къ себѣ въ подворье. Разговѣлись въ №. Пришелъ къ намъ владимирскій мужичекъ—Иванъ Ми-

хайловичъ, принесъ крашенныхъ яицъ и куличъ. Я надѣлъ патрахиль и спѣли „Пасху“, затѣмъ разговѣлись чѣмъ Богъ послалъ.

Иванъ Михайловичъ приходилъ къ намъ дня за два до этого съ безпоповцемъ, казакомъ донскимъ. Приѣхалъ онъ еще до Рождества Христова и остановился въ Русскомъ подворьѣ. Какъ старообрядцу ему много пришлось перенести укоризнъ и притѣсненій отъ „православныхъ“: доходило до того, что съ нимъ не хотѣли вмѣстѣ ѣсть, считая его еретикомъ. Вотъ что приходится переносить старообрядцамъ отъ своихъ же собратій, даже на чужой сторонѣ, которая должна бы объединять своихъ братій-русскихъ. Но здѣсь вражда! И гдѣ же?—У гроба Господня... На это обстоятельство должно быть обращено вниманіе кого слѣдуетъ, и чтобы были приняты возможныя мѣры къ устраненію такихъ ненормальныхъ явленій: желательно, чтобы для старообрядцевъ было устроено особое помѣщеніе на подворьѣ или около него. Тогда и старообрядцы охотнѣе пойдутъ въ св. Градъ на поклоненіе св. мѣстамъ, зная, что они здѣсь найдутъ свой единовѣрный пріютъ и любовное отношеніе.

Вечерня въ 1-й день Пасхи.

Въ 12 часовъ дня начался крестный ходъ изъ патріархіи. Участвовало много духовенства. Мы ждали въ олтарѣ. По входѣ духовенства въ олтарь осыпали цвѣтами и насъ по ихъ обычаю. Вечерню началъ самъ патріархъ съ митрополитами и архимандритами. На Великій выходъ облачилось все духовенство. „Свѣте тихій“ пѣло все духовенство—древнимъ, тягучимъ, но пріятнымъ распѣвомъ: 1-ю половину — спѣли въ церкви, а 2-ю—въ олтарѣ. Послѣ прокимна началось чтеніе Евангелій въ 10-ти мѣстахъ, на языкахъ: греческомъ, славянскомъ, арабскомъ, латинскомъ, турецкомъ, древне-эллинскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и румынскомъ. Во-первыхъ читалъ самъ патріархъ на греческомъ—стоя на горнемъ мѣстѣ; на русскомъ читалъ архимандритъ Леонидъ съ Русскаго подворья. Очень интересно—по мотиву и по голосу (баритонъ) прочтено было Евангеліе на румынскомъ, кажется, языкѣ. Читалъ артистъ своего дѣла: такія чудныя выдѣлывалъ онъ рулады, съ такимъ мастерствомъ, съ переливами переходилъ онъ съ высокихъ нотъ на низкія и наоборотъ, такъ что и греческое духовенство, поглядывая другъ на друга, улыбалось красотѣ голоса и мастерскому чтенію. Читалъ молодой діаконъ (а по другимъ—священникъ румынъ, лѣтъ 50-ти, доподлинно мы такъ и не узнали, ибо читалъ внѣ олтаря). Даже сейчасъ (записываю 1-го мая) звенить въ ушахъ этотъ голосъ съ удивительнымъ мотивомъ.

Послѣ Евангелій читающіе по два приходили въ олтарь и прощались у патріарха, который, кстати сказать, не благословлялъ ихъ рукою, какъ у насъ дѣлается.

Евангеліе читалось на три отдѣла, такъ что патріархъ, по прочтеніи 1-го отдѣленія, сходилъ зачѣмъ-то наверхъ, въ ризницу (не поправить

ли голосъ, который хрипѣлъ у него немного?). По сугубой ектеніи, ска- зываемой архидіакономъ, пѣвцы тихонько отпѣвали: „киріе елейсонъ“, а на русское—„Господи, помилуй“—въ трію, что практикуется и въ другихъ случаяхъ. Замѣтно вліяніе въ этомъ и на греческое пѣніе; въ общемъ же пѣніе—унисонное; изрѣдка только пѣвцы дозволяютъ себѣ эту вольность и въ греческомъ пѣніи. По отпустѣ патріархъ со всѣмъ духовенствомъ вышелъ на средину церкви и началось общее христосованье, начиная съ патріарха и митрополитовъ. Приглашали и насъ (русскіе), но мы какъ уже христс- совавшіеся послѣ литургіи—не пошли, а ушли въ № и пообѣдали всухо- мятку, безъ хлеба.

Была у насъ Екатерина Максимовна (Болгарка); приходила прощаться, завтра уѣзжаетъ въ Софію. Не помню, говорилъ ли я о ней ранѣе? А эта особа заслуживаетъ, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ. Екатерина Максимовна (по ея, конечно, словамъ) была сестрой милосердія въ Освобо- дительную войну 1877 г., вышла за русскаго капитана, послѣ войны остав- шагося въ Болгаріи на жительство. Она продѣлала три войны,—прошлогод- нюю, совмѣстную съ др. державами, которую она называетъ „благословен- ной,“ ибо во всемъ болгары тогда имѣли успѣхъ. Но „братоубійственную“ войну она называетъ „дьявольскою“ и позорною, наказаніемъ Божиимъ. Она женщина очень энергичная: 4 лошади убили подъ ней; два Георгіев- скихъ креста имѣетъ она за храбрость. Обладая даромъ слова и языками (кромѣ болгарскаго): французскимъ, сербскимъ, греческимъ и турецкимъ, она воодушевляла воиновъ своею самоотверженностію и они любили ее на- зывая „бабушкой“. „За мной дѣтки“, крикну я бывало, рассказывала намъ Екатерина Максимовна: „умирать—не миновать; такъ умремъ за родину, съ нами Богъ! И Богъ намъ помогалъ. А когда настала эта „проклятая“ война съ своими братьями,—ни въ чемъ намъ удачи не было! Много полегло на- роду... Въ Іеросалимъ она ѣдетъ въ 3-й разъ, и ѣдетъ съ паломниками въ 3-мъ классѣ, поучая ихъ словомъ Божиимъ и наставляя какъ держать себя въ св. мѣстахъ. Ограждала ихъ отъ эксплуатаціи монаховъ и разныхъ проходимцевъ. Знакомство она имѣетъ большое: всѣхъ знаетъ видныхъ лицъ какъ гражданскихъ, такъ и духовныхъ въ Іеросалимѣ и въ другихъ св. мѣстахъ. Съ удовольствіемъ мы бесѣдовали съ ней, слушая ее свое- образные рассказы на смѣшанномъ русско-болгарскомъ языкѣ. Связала насъ съ ней и идея—основать мѣсто въ Іеросалимѣ для своихъ годовѣрцевъ. Она также (секретно) имѣетъ таковое порученіе отъ своихъ соотечествен- никовъ. Но турки, ихъ исконные враги, и греки, боящіеся конкуренціи, мѣшаютъ имъ. Для осуществленія ихъ предпріятія учреждено ими О-во помощи паломникамъ. Екатерина Максимовна познакомила насъ съ болга- риномъ, живущимъ съ дѣтства въ Іеросалимѣ. Онъ общалъ намъ свое содѣйствіе.

7-го апрѣля, понедѣльникъ.

По совѣту смотрительницы Прасковьи Θεодоровны мы взяли провод-

ника Абрама Назаря и пошли осматривать св. мѣста въ Іеросалимѣ. Вышли мы съ подворья въ 8 часовъ утра и прошли по „страстному пути“. Тотчасъ за стѣной нашего дома Абрамъ показалъ намъ такъ-называемыя „Общія врата“, ведшія въ Іеросалимъ, и остатки древней стѣны, въ частномъ владѣніи, наподобіе кузницы. Недалеко отсюда остатки древней небольшой церкви со сводомъ и съ колоннами съ капителями, засыпанными отъ времени: осталось ихъ выше земли не болѣе аршина. Здѣсь—въ родѣ конюшни: стоялъ осликъ, пожевывая сѣно, сваленное въ углу. Тяжелое впечатлѣніе! Церковь, гдѣ приносилась безкровная жертва Господу, нынѣ стойло скотское... Не нашлось у современныхъ христіанъ средствъ выкупить это мѣсто и восстановить церковь для прославленія Господа.

Прошли мимо „Преторіи“ (Пилатовой?), гдѣ нынѣ казармы; зашли въ подземелье, приписываемое латинами дѣвицѣ Вероникѣ, гдѣ Спаситель, по ихъ преданію, неся крестъ, упалъ, и блаженная Вероника отерла полотенцемъ окровавленный ликъ Его. Здѣсь католическіе монахи раздаютъ паломникамъ листочки, изображеніе „Нерукотвореннаго образа“, изобразившагося на полотенцѣ Вероники, и продаютъ вѣнцы терновые разныхъ величинъ. Здѣсь имѣется статуя Спасителя, упавшаго на колѣни, подъ тяжестію деревяннаго креста.

Въ „Преторіи“ показываютъ подземную темницу, гдѣ былъ заключенъ Спаситель, и камень съ двумя мѣстами, гдѣ ноги Его были забиты.

Еще ниже (куда я не спускался) показывали темницу, гдѣ мучили христіанъ; руки ихъ крестообразно растягивали по стѣнѣ и заключали въ замки, охватывающіе кисти руки. Такъ и помирали заключенные; много костей и сейчасъ находится въ этомъ подземельѣ, что наводитъ на сомнѣніе о принадлежности сихъ костей христіанскимъ мученикамъ. Христіане не оставили бы ихъ въ такомъ пренебреженіи.

Далѣе прошли въ католическую церковь Іоакима и Анны, на мѣстѣ ихъ дома. Въ подземельи показываютъ мѣсто рожденія Богородицы. Противъ этой церкви находится „овчая купель“: она устроена въ видѣ цистерны съ водой, къ которой спускъ по каменной лѣстницѣ—довольно крутой, огражденный легкими перилами. Здѣсь, у купели, монахи торгуютъ жетонами съ изображеніемъ Спасителя, исцѣляющаго разслабленнаго, и открытки съ такимъ же изображеніемъ. Мы купили по нѣскольку штукъ жетоновъ, ибо работа очень искусная. Показывалъ намъ Абрамъ и мѣсто дома Никодима и темницы апостола Петра, въ бывшей башнѣ Антонія, изъ коей извелъ его ангелъ. Возвращаясь въ подворье для обѣда, Ибрагимъ (арабское имя Авраама) какъ бы подъ секретомъ указалъ мѣсто дѣйствительной (по его словамъ) „овчей купели“; это почти засыпанный мусоромъ оврагъ, обнесенный деревяннымъ заборомъ,—здѣсь мѣсто свалки мусора. При выходѣ отсюда на улицу два араба захлопнули передъ нами ворота, требуя платы по „паричкѣ“. Пришлось уплатить, чтобы выйти со двора.

Послѣ обѣда мы, въ сопровожденіи нашихъ сожителей на подворьѣ: Василия Дмитріевича съ женой Маріей Ивановной и художникомъ Иваномъ Николаевичемъ, вышли съ Абрамомъ черезъ Дамасскія ворота и зашли во дворъ, гдѣ показываютъ гробницы царей. Спускъ по широкой, высѣченной въ скалѣ, лѣстницѣ. По сторонамъ высѣчены водоемы, въ которые стекаетъ по желобамъ, вырубленнымъ въ ступеняхъ лѣстницы и по бокамъ стѣнъ, дождевая вода. Налѣво широкія ворота, съ карнизомъ, ведутъ къ мѣсту гробницъ. Здѣсь сохранилась часть колоннъ съ капителями и карнизами. Самые гроба высѣчены въ скалѣ, въ видѣ коридора, и въ нихъ ниши. Входъ въ коридоръ закрывается большимъ, въ видѣ жернова, камнемъ. Проходили туда чуть не ползкомъ со свѣчами. Видѣли, по выходѣ отсюда, Соломоновы каменоломни подъ стѣной Іерусалима. Мы не пошли въ нихъ. Абрамъ говоритъ, что онѣ тянутся нѣсколько верстъ подъ городомъ, и будто какіе-то иностранцы вошли туда и не возвратились. Прошли мимо воротъ Иродовыхъ, нынѣ заложенныхъ. Подходили къ мѣсту пещеры пророка Іереміи, гдѣ онъ плакалъ о разрушеніи Іерусалима, но на стукъ Абрама въ калитку никто не отозвался. Всѣ эти мѣста охраняются мусульманами и безъ „бакшиша“ (подарка) въ нихъ не пройти. Абрамъ хорошо объясняется и по-турецки. Далѣе вышли къ долинѣ Іосафатовой и къ потоку Кедронскому. Это простая, по нашему, балка—среди горъ, по которой во время дождей течетъ вода, а въ другое время она сухая. Долина Іосафатова, между горъ высокихъ, довольно красива—съ воздѣланными огородами и масличными садами. Сойдя по спуску (взвозу) мы подошли къ мѣсту побіенія архидіакона Стефана камнями. Это плоская скала, ничѣмъ не огороженная. Неподалеку отъ нея построено настоятелемъ Гроба Господня, о. Евѣиміемъ, подобіе часовни, съ садикомъ при ней. Перешли каменный мостъ чрезъ потокъ и стали подниматься къ саду Геосиманскому. Церковь Успенія Богородицы на мѣстѣ ея погребенія, слѣва, въ углубленіи, была заперта, и поэтому мы прошли прямо въ садъ Геосиманскій.

Мѣсто, гдѣ по преданію молился Спаситель о чашѣ, принадлежитъ католикамъ и обнесено желѣзной рѣшеткой, съ узкимъ проходомъ между оградой и рѣшеткой кругомъ. Внутри ограды сохраняются очень тщательно 8 маслинъ, по увѣренію католиковъ—современныхъ Спасителю и бывшихъ свидѣтелями Его моленія о чашѣ. Маслины эти дѣйствительно очень древни, въ нѣсколько обхватовъ толщины. Мы просили монаха сорвать намъ хоть нѣсколько листковъ, но онъ отказалъ, а собралъ нѣсколько опавшихъ листковъ и далъ намъ чрезъ рѣшетку. Греки, съ своей стороны, рядомъ съ этимъ садомъ показываютъ скалу, гдѣ спали три апостола во время моленія Господа, и мѣсто самаго моленія, огороженное, въ видѣ буквы П, каменной стѣной. Вообще о св. мѣстахъ нужно замѣтить, что между разными религіями идетъ сильная конкуренція, и каждая старается приурочить извѣстное Евангельское событіе къ мѣсту ей принадлежащему. Въ этомъ отношеніи, какъ намъ пришлось убѣдиться послѣ осмотра всѣхъ мѣстъ, католики дѣйствуютъ очень

искусно. У нихъ приставленные монахи, или учителя, на вашъ вопросъ или недоразумѣніе сейчасъ представляютъ вамъ доказательства и сошлются на свидѣтельства письменныя. А если этого нѣтъ, то на древнее преданіе, существующее съ такихъ-то временъ. При этомъ назовутъ авторитетныхъ лицъ, вѣрившихъ въ это преданіе. Не было случая, чтобы монахъ отозвался незнаніемъ или удовольствовался отвѣтомъ: „такъ говорятъ“,—какъ въ большинствѣ отвѣчаютъ греки и нашъ проводникъ Абрамъ: „Богъ знаетъ,—такъ говорятъ, такъ сказали“.

Поднимаясь отсюда на гору Елеонскую мы спѣли: „На гору ученикомъ идущимъ, за земное вознесеніе“, мысленно переносясь къ тѣмъ временамъ, когда „воплотившійся насъ ради“—Исусъ Христосъ съ своими учениками не однажды шествовалъ на эту св. гору поучая ихъ. И вотъ Господь сподобилъ и насъ—нашими грѣшными ногами итти по этому пути, воспѣвая Его „еже отъ мертвыхъ воскресеніе и еже на небеса вознесеніе“... Сладкія минуты переживали мы, взобравшись въ русскій садъ, почти на вершинѣ горы Елеонской, откуда предъ нашими глазами предсталъ—какъ на лондонѣ—св. градъ, многострадальный Іерусалимъ, со своими древними стѣнами и башнями. Чувство это омрачали только минареты и мечети, въ особенности мечеть Омара—прямо предъ глазами! Такъ что предсказаніе Спасителя, что „св. градъ будетъ попираемъ языки, дондеже скончаются времена языкъ“, наглядно подтверждается. И Богъ вѣсть, когда именно—„skonчayutsya vremena yazyk“? Съ этой горы Всевѣдецъ Господь, прозрѣвая будущая, плакалъ о семъ градѣ (Лук. 19, 41; 21, 24. Марк. 13. 3.

На мѣстѣ, прибрѣтенномъ русской миссіей, есть пещера съ подземнымъ коридоромъ и нишами, именуемыми „гробами пророковъ“,—конечно, „гроба“ эти пусты.

Наконецъ мы на самой вершинѣ горы—горы Вознесенія. На мѣстѣ Вознесенія въ древности была церковь, построенная царицей Еленой, какъ и большинство первыхъ церквей. Но теперь здѣсь владѣніе турокъ, обнесенное каменною стѣною. За нѣсколько „паричекъ“ намъ отперли дверь и мы вошли во дворъ. Здѣсь, посрединѣ, стояло круглое зданіе, ранѣе бывшее часовней. Среди этого зданія имѣется камень съ явно обозначеннымъ отпечаткомъ ступни ноги, какъ бы вдавленной. Это и есть, по преданію, камень—съ котораго вознесся Спаситель на небо, оставивъ слѣдъ стопы Своей... Съ вѣрою и благоговѣніемъ приложились мы къ мѣсту—„идѣже стоястѣ нозѣ Его“ и съ чувствомъ умиленія пропѣли стихъ: „Возшедъ на небеса, отнюдуже и сиде, да не оставиши насъ сирыхъ, Господи“... Спѣли: „величаніе“, ирмосъ—„Спасителю Богу“ и „застойникъ“.

Кругомъ этого зданія устроено нѣсколько открытыхъ престоловъ разныхъ религій, на которыхъ въ день Вознесенія служатся литургіи.

Отсюда мы прошли на русскія постройки—въ женскій монастырь съ церковію Вознесенія и очень высокой и красивой колокольней (30 сажень), воздвигнутыми трудами архимандрита Антонина. Поднялись на колокольню,

я только на 1-й этажъ,—откуда открывается чудный видъ на Іерусалимъ и его окрестности—на Іорданъ и часть Мертваго моря. Спустившись съ колокольни прошли въ музей, гдѣ собраны о. Антониномъ найденные при раскопкахъ остатки древней церкви—мозаическій полъ, съ изображеніемъ рыбъ и птицъ, колоннъ, капителей, маленькихъ гробиковъ съ костями (по обычаю грековъ кости погребенныхъ чрезъ 3 года вынимаются и по омовеніи слагаются въ особыя хранилища) и другихъ христіанскихъ древностей свѣтильниковъ, подсвѣчниковъ и пр. Зашли въ часовню „обрѣтенія главы Предотечи“ и въ келью настоятельницы. Она была за всеюношней и мы съ ней не могли видѣться. Послушницы ея угостили насъ, по восточному обычаю, водой съ вареньемъ и показали оставшіяся по смерти русской инокини старыя иконы и книги: тріодъ цвѣтная и трефолой—патріаршія; др. переводныя. Не дождавшись игуменьи, мы пошли въ „малую Галилею“ иначе называемую „гора Галилейскихъ мужей“, съ новыми постройками келій, церкви и часовни. Сюда приурочиваютъ 1-е явленіе Христа Апостоламъ и яденіе имъ рыбы. Въ храмъ мы нашли двѣ древнія иконы въ олтарѣ—Срѣтенія Господня, а на стѣнѣ, вправо отъ входа,—Воскресенія Христова, большое по размѣрамъ, очень хорошее по сохранности и по рисунку. Надъ входомъ въ церковь—древняя Богородичная икона. Здѣсь молодая русская дѣвушка, изъ Челябинска, живетъ 3-й мѣсяцъ для объясненія паломникамъ что есть въ храмѣ, какъ она сказала намъ. По словамъ же Абрама, это—„герондиса“... Спустившись съ горы, мы посѣтили Геесиманію, подземную церковь Успенія. Церковь древняя, построенная на мѣстѣ погребенія Богородицы. Въ нее ведетъ каменная, широкая лѣстница, въ 48 ступеней. Къ сожалѣнію вслѣдствіе наступившей темноты, ибо солнце уже закатилось, мы не могли въ подробности осмотрѣть ее. Приложились къ мѣсту, идѣже лежало пречистое тѣло Богородицы. Мѣсто это имѣетъ видъ кувукліи Гроба Господня, но выше. Здѣсь на камнѣ, покрывающемъ ложе Богородицы, служитъ литургія, и плита служитъ престоломъ. Гробъ Богоматери находится во владѣніи грековъ и армянъ,—имѣющихъ здѣсь свои престолы. Выше, къ выходу, показываютъ мѣсто погребенія праотецъ Іокима и Анны, а съ другой стороны—первомученика Стефана и Іосифа Обручника. Поклонившись этимъ священнымъ мѣстамъ, мы вышли изъ храма и, перешедши мостъ, близъ мѣста убіенія первомученика Стефана поднялись на противоположную гору и воротами, именуемыми „Геесиманскими“, возвратились въ городъ и въ подворье въ 7 съ половиной вечера, порядочно усталые.

8-го апрѣля, вторникъ СВѢТЛОЙ НЕДѢЛИ.

Въ 8 часовъ мы пошли въ Омарову мечеть, на мѣстѣ храма Соломонова—на горѣ Моріа. Прошли, такъ-называемыми, красными воротами, гдѣ апостолы Петръ и Іоаннъ исцѣлили хромого. Ворота въ собственномъ смыслѣ не существуетъ. Это длинный проходъ, среди ряда построекъ, съ крышей въ видѣ арки, ведущій на огромную площадь, среди которой и стоитъ величественная, но мрачная мечеть Омара. Большая часть площади вокругъ

храма выстлана плитами. Заплативши неизбежный „бакшишъ“ и снявъ га-лоши, мы вошли въ мечеть. Мулла, говорившій немного по-русски, водилъ насъ и давалъ объясненіе. Полъ мечети весь устланъ коврами. Отдѣлка стѣнъ очень богатая, въ арабскомъ стилѣ; золотая мозаика, мраморныя колонны. Говорятъ, будто нѣкоторыя изъ храма Соломона. Въ срединѣ за вызолоченной рѣшеткой природная скала—гора Моріа, на которой Авраамъ приносилъ въ жертву Исаака и былъ удержанъ ангеломъ. Въ пещерѣ, подъ храмомъ, показываютъ мѣсто убіенія „пророка Захаріи, убіеннаго между церковью и олтаремъ“. Въ мечети хранятся: щитъ Магомета, коранъ и другія священные для мусульманъ вещи. Но ихъ „гяурамъ“—не показываютъ. Мечеть снаружи и внутри обложена кефалью и мраморомъ синеватаго цвѣта, съ изреченіями, въ разныхъ мѣстахъ, изъ корана. По выходѣ изъ мечети показываютъ судилище Царя Давыда, а неподалеку, но нѣсколько ниже Омаровой мечети, другая мечеть—Эль-Акса, это бывшій храмъ Введенія во храмъ Богородицы. По дорогѣ къ ней стоитъ фонтанъ, въ который проведена вода изъ „прудовъ Соломона“, верстъ за 17. При входѣ въ мечеть мы увидѣли рядъ большихъ мраморныхъ, разныхъ цвѣтовъ, колоннъ, напоминающихъ „Айя Софію“. На мѣстѣ олтаря стоитъ мусульманская каеэдра. Мулла говоритъ, что здѣсь ангелъ являлся Маріи; показываютъ и др. мѣста, приурочивая ихъ къ христіанскимъ Евангельскимъ событіямъ. Въ одной нишѣ показываютъ отпечатокъ стопы Спасителя по преданію перенесенной съ горы Елеонской, а въ другой—стопы Богородицы.

Подъ мечетью огромное помѣщеніе, съ рядами сводовъ и большихъ каменныхъ колоннъ (говорятъ до 1000), которое называютъ „Соломоновыми конюшнями“. Въ одномъ мѣстѣ имѣются каменные ясли, между малыми четырьмя колоннами. Вышедши отсюда прошли къ стѣнамъ и осмотрѣли „золотыя ворота“ (заложеныя), чрезъ которыя Ісусъ Христосъ совершилъ торжественный входъ въ Іерусалимъ „на жребяти осли“, при возгласахъ множества народа: „Осанна Сыну Давыдову“!

Отсюда мы прошли къ „стѣнѣ плача іудеевъ“, по узкимъ грязнымъ улочкамъ. Часть стѣны этой дѣйствительно древняя, изъ огромныхъ камней, между которыми масса набитыхъ гвоздей. Объясненіе этого намъ не пришлось слышать. Здѣсь застали мы немногихъ евреевъ и евреекъ, плачевно причитывающихъ что-то, прислонившись головой къ стѣнѣ. Въ особенности одна еврейка убивалась: она со слезами вопила во всю улочку. Быть-можетъ она выплакивала, причитывая, свое личное горе,—такъ неподдѣльно было горе ея... Мужчины же, большею частію пожилые, мурлыкали подъ носъ себѣ, держа въ рукахъ молитвенники.

Раздавъ мелочь нищимъ евреямъ, назойливо просящимъ „паричку“, мы поднялись на Сіонъ гору, при пѣніи ирмоса „на Сіонъ гору взыде“, мимо огромныхъ многоэтажныхъ зданій, построенныхъ Ротшильдомъ для своихъ одновѣрцевъ. Поднявшись на гору, мы съ остатка древней стѣны осмотрѣли Кедронскую, или иначе Іосафатову долину, памятникъ Авессалома на еврей-

скомъ кладбищѣ, гробъ Захаріи—отца Предотечи, Силоамскую купель,—жилище прокаженныхъ, и проч.

Прошли на мѣсто Сіонской горницы: нынѣ здѣсь зданія и мечеть „Наби-Даутъ“ (гробъ Давыда). Въ одномъ изъ этихъ зданій показываютъ горницу, гдѣ Спаситель совершилъ послѣднюю вечерю, умылъ ноги ученикамъ и установилъ таинство Евхаристіи. Здѣсь явился Онъ ученикамъ по воскресеніи и вторично для увѣренія апостола Ѳомы. Въ 1-й комнатѣ съ двумя колоннами, поддерживающими сводъ, говорятъ, была „Тайная вечеря“, а во 2-й сошествіе Св. Духа на апостоловъ. Въ особой загородкѣ находится гробъ Царя Давыда, по увѣренію мусульманъ.

Недалеко отъ д. Тайной вечера показываютъ развалины дома Іоанна Богослова. Почти рядомъ занято протестантами большое мѣсто и построены огромный храмъ. Рядомъ же съ симъ мѣстомъ, за стѣной помѣщается греческое кладбище. Здѣсь Абрамъ показалъ мѣсто, гдѣ по увѣренію грековъ было сошествіе Св. Духа. Здѣсь, въ нишѣ, поставлено нѣсколько иконъ и на „Духовъ день“ бываетъ богослуженіе. Мы, помолившись здѣсь, пропѣли „Царю Небесный“ и Преславная днесь“. Сорвали нѣсколько вѣточекъ душистаго растенія (ливанъ) и цвѣтковъ.

На кладбищѣ есть памятники и на могилахъ русскихъ людей, умершихъ въ Іерусалимѣ. Въ одной ямѣ видѣли сваленные человѣческія кости и черепа... Такъ небрежно ведется здѣсь погребеніе,—вѣроятно бѣдныхъ людей.

Заходили мы въ Армянскій монастырь, построенный по преданію въ память апостола Іакова, сына Зеведеева, на мѣстѣ его убіенія. Приложившись, подъ престоломъ, къ мѣсту убіенія апостола мы осмотрѣли храмъ. Есть изразцовыя, древнія изображенія съ двуперстнымъ сложеніемъ, а новыя съ именованнымъ. Зашли и въ Сиріанскій монастырь, гдѣ показываютъ икону Богородицы, приписываемую Евангелисту Лукѣ. Потомъ прошли въ Сіонскій монастырь, во имя Св. Троицы, построенный архимандритомъ Герасимомъ. Здѣсь на мѣстѣ, пріобрѣтенномъ русской миссіей, производятся раскопки. Нашли остатки церкви, построенной будто бы ранѣе церкви, сооруженной царицей Еленой. Но никакихъ ясныхъ доказательствъ этому не видится. Дѣйствительно, раскопки производятся; есть пещеры, но грунтъ не камень. Быть-можетъ далѣе что найдутъ и болѣе опредѣленное. Были, по случаю дождя, въ пріемной архимандрита, гдѣ насъ угостили по-восточному—водой съ вареньемъ и кофе. Отсюда мы прошли мимо башни Царя Давыда, видѣли внизу, у моста, прудъ Вирсавіи, въ которомъ Давыдъ видѣлъ Вирсавію купающуюся и взялъ ее себѣ въ жены.

По возвращеніи въ подворье и по обѣдѣ посѣтилъ насъ архимандритъ Каллистъ и говорилъ, что патріархъ ждалъ насъ на первый день съ поздравленіемъ и былъ намѣренъ отдать намъ визитъ. Мы извинились незнаніемъ ихъ обычаевъ и что считаемъ себя недостойными посѣщенія патріарха.

Каллистъ объяснилъ, что патріарха пріѣзжаютъ поздравлять съ праздникомъ всѣ начальствующіе, какъ-то: патріархъ армянскій, сирійскій и

другихъ религій представители и гражданскія начальствующія лица.—Мы отозвались, что не приучены къ такимъ официальностямъ въ Россіи. Разсказали ему—какъ русская церковь относится къ нашей іерархіи: признаетъ за дѣйствительныя крещеніе и бракъ, у насъ совершенные, и не повторяетъ ихъ при присоединеніи, но священства за совершителями сихъ таинствъ не признаетъ и обращающихся вновь хиротонисуетъ.—О. Каллисть удивился этому и призналъ такое отношеніе неправильнымъ и противнымъ канонамъ Церкви, которая хиротонію новатіанъ и донатистовъ признавала за дѣйствительную и не повторяла. „Разъ признаетъ крещеніе за дѣйствительное, говорилъ онъ, то и совершители онаго должны быть признаваемы за священниковъ“. Оказывается даже онъ, архимандритъ Каллисть, обучавшійся въ Московской Духовной Академіи, многого не знаетъ о старообрядцахъ и объ отношеніяхъ къ нимъ церкви русской. Не призналъ онъ правильнымъ и дѣйствіе господствующей Церкви,—принимающей поливательно крещеныхъ безъ новаго крещенія, тогда какъ греческая церковь обязательно креститъ въ три погруженія и крещеныхъ поливательно католиковъ перекрещиваетъ. А если это духовное лицо, то послѣ крещенія вновь хиротонисуетъ таковыхъ. Старообрядцевъ онъ уважаетъ, ибо знаетъ ихъ какъ людей держащихся древнихъ преданій и высоконравственныхъ.

9-го апрѣля, среда.

Вслѣдствіе дождя мы не поѣхали въ Виѣлеемъ, какъ предполагали, а только послѣ обѣда сходили на русскія постройки и хотѣли представиться консулу и Павлу Ивановичу и поздравить съ праздникомъ, но намъ сказали, „дома нѣтъ“. Оставили визитныя карточки. Оказывается, русскіе заняли здѣсь очень большое пространство земли, настроили много зданій для паломниковъ и для администраціи и церковь. Мы заходили и въ нее. Хорошая церковь, но все новое...

Въ лавкахъ здѣсь же въ подворьѣ мы закупили открытокъ и жетоновъ. Былъ сильный вѣтеръ. Кавасъ-черногорецъ сказалъ, что въ Яфѣ не приставалъ ни одинъ пароходъ и паломниковъ провезли въ Портъ-Саидъ; ссадятъ на обратномъ пути, если не будетъ сильнаго волненія. Ибо были случаи—въ такой вѣтеръ разбивались лодки о каменную гряду и тонули люди, почему и воспрещено въ сильное волненіе спускать паломниковъ въ Яфѣ. Поэтому, когда устроится желѣзная дорога изъ Кайфы въ Іерусалимъ,—Яффа упадетъ, ибо паломники будутъ сходить въ Кайфѣ.

10-го апрѣля, четвергъ.

Въ 6 часовъ 10 минутъ утра мы выѣхали въ 2-хъ каретахъ, запряженныхъ парой, къ Мамврійскому дубу: насъ пять человекъ, съ проводникомъ Абрамомъ, и наши сожители по подворью: Михаилъ Михайловичъ, Василій Дмитріевичъ съ женой Марьей Ивановной, сестра милосердія-Марья Александровна и Иванъ Николаевичъ. Выѣхали въ Яфѣскія ворота, мимо башни Царя Давыда и пруда Вирсавіи чрезъ мостъ. Поднялись въ гору, миновали вправо вокзалъ и далѣе влѣво Ильинскій монастырь. Проѣхали мимо

могилы Рахили, въ зданіи съ куполомъ, похожемъ на мечеть. Въ нее не заходили. Гробъ за желѣзной дверью въ другой комнатѣ, куда не пускаютъ. Далѣе виднѣется съ роскошной растительностью селеніе на полугорѣ—Бейтъ-Джала, гдѣ имѣются хорошія постройки „Палестинскаго Общества“. Наша дорога шла по лѣвую сторону долины, богато воздѣланной масличными садами и огородами. Показалъ намъ Абрамъ, съ подводы, „гороховое поле“ съ камушками наподобіе гороха. Съ этимъ связана такая легенда: однажды Ісусъ Христосъ, по другой версіи—Богородица, шелъ по этой дорогѣ и увидѣлъ мужичка сѣющаго горохъ. На вопросъ Ісуса Христа: что онъ сѣетъ? мужикъ отвѣтилъ съ раздраженіемъ—„камни“!—„Ну и пусть будутъ камни“. Съ этими словами Ісуса горохъ обратился въ камешки, которые теперь и собираютъ арабы и продаютъ паломникамъ. Въ Виелеемѣ и мы купили нѣсколько. Дѣйствительно, камушки эти очень напоминаютъ горохъ. Проѣхали мимо „Соломоновыхъ прудовъ“—но видѣли ихъ издали—съ дороги. Здѣсь имѣются казармы турецкія, за древней каменной стѣной. По дорогѣ попадаются чисто-библейскіе „пастыри съ своими стадами“—то овецъ, то козъ, то верблюдовъ. Попадаются и черныя палатки бедуиновъ, полуголыя дѣти которыхъ осаждаютъ путниковъ просьбами „паричекъ“, бѣжа за коляской. Ближе къ Хеврону дѣтвора дѣлается назойливѣе, дерзко требуя „паричекъ“ и „бакшишъ“, угрожая иногда камнями на окрикъ путниковъ. Нашъ Ибрагимъ и возница ограждали насъ отъ нихъ кнутомъ, и тогда нѣкоторые изъ мальчишекъ хватали камни въ руки съ намѣреніемъ пустить намъ въ догонку. Это единственное, кажется, мѣсто съ такими дерзкими дѣтьми. Въ другихъ мѣстахъ, да и въ самомъ городѣ Хевронѣ, дѣти, въ особенности ученики, очень добродушно относятся къ паломникамъ, окружая ихъ и лопоча по-своему, пересмѣиваются съ ними. Извозчики, доведши насъ въ Хевронъ остановились кормить лошадей, такъ какъ до дуба Мамврійскаго дорога не проѣздная и нужно итти пѣшкомъ или верхомъ на лошади или осликѣ. Мы рѣшили пройти. Дорога послѣ дождя мѣстами грязновата, встрѣчались и лужи. Идетъ она между посѣвами и садами; всего до дуба не болѣе версты. Было жарко и я дошелъ порядочно вспотѣвши. Но вотъ и „дубъ Мамврійскій“, обнесенный желѣзной оградой съ желѣзной дверью, запертой на замокъ. Пока ходили за ключемъ къ смотрительницѣ, мы осмотрѣли „дубъ“, которому насчитываютъ не одно тысячелѣтіе. По этому поводу о тысячелѣтіяхъ художникъ Иванъ Николаевичъ сказалъ, что этому можно вѣрить и доказать это научно. Въ Америкѣ, говорилъ онъ, найдено нѣсколько деревьевъ, которымъ по счету слоевъ насчитывается до 3 тысячъ лѣтъ. Мы приняли это къ свѣдѣнію. Дубъ имѣетъ жалкій видъ: два отлѣтѣнія его высохли и спилены; три оставшіяся закрѣплены желѣзомъ и лежатъ на козлахъ—подставкахъ изъ рельсовъ. Но тѣмъ не менѣе дубъ интересенъ не по одному священному преданію, по которому извѣстно, что подъ нимъ Авраамъ принималъ Бога въ видѣ трехъ странниковъ, обмылъ имъ ноги и предложилъ трапезу, за что получилъ обѣтованіе о рожденіи сына. Интересенъ онъ и

по своей солидности. Хотя основаніе его обнесено каменной оградой (не это ли причина, что онъ сохнетъ?), которая покрыта листовымъ желѣзомъ, обнимая стволъ, но и выше огражденія толщина его обхвата въ 3 или 4, а на остальныхъ вѣтвяхъ его растутъ еще новые побѣги и густая листва.

Вскорѣ пришла смотрительница, старушка Марія, отперла дверь и мы вошли въ ограду къ самому дубу, гдѣ имѣется возвышеніе въ видѣ престола и здѣсь служатся иногда молебны. Предложила Марія и намъ спѣть молебенъ, говоря, что у нея имѣется все облаченіе и кадило. Мы поблагодарили, отклонивъ ея предложеніе, но попросили хоть по маленькой вѣточкѣ отдѣлить намъ отъ священнаго дерева. Она приказала работнику и тотъ, влѣзши на дерево, сломилъ сучечекъ, который мы и раздѣлили между собой на память. Дерево это не есть нашъ дубъ широколистый, а другой породы, съ листьями похожими на масличные, но такъ же какъ и нашъ имѣетъ желуди. Впрочемъ нынѣ нѣтъ ихъ на немъ, а прошлый годъ, говоритъ Марія, были. Отъ корней дуба, саженьхъ въ двухъ, въ этой же оградѣ выросли новые дубочки, возрастомъ лѣтъ 20 и даютъ желуди. Отъ нихъ Марія дала намъ по нѣскольку желудей и коры отъ старца-дерева.

Помолившись образу св. Троицы, стоящему при деревѣ, мы пошли на гору. Дубъ находится подъ горой, или у подошвы горы. Кругомъ много разныхъ деревьевъ: маслинъ, смоковницъ, а ближе къ дубу Мамврійскому и дубочки. Вообще вся долина Мамврійская очень плодородна и богата источниками. На горѣ построены русской миссіей, коей принадлежитъ и дубъ, каменный домъ-пріютъ для паломниковъ, въ два этажа, гдѣ насъ Марія и угостила чаемъ съ вареньемъ и яйцами. Пока готовился самоваръ, мы прошли съ Маріей къ строящейся церкви, неподалеку отъ дома. Стѣны, полъ и олтари (въ церкви два придѣла) уже готовы, имѣются и образа живописные. Рабочіе арабы строгаютъ доски мраморныя для престола. Готовится матеріалъ и для колокольни. Мѣсто избрано на самой горѣ, видъ очень красивъ: виднѣется Средиземное море по направленію къ Яфѣ. Переѣхавъ потное бѣлье, я отдалъ его посушить и уходя забылъ его. Возвратившись въ Хевронъ—хватились и изъ-за этой задержки вышелъ инцидентъ съ о. Діонисіемъ... Наняли араба съѣздить верхомъ съ моей карточкой къ Маріи за бѣльемъ; о. Діонисій хотѣлъ „слетать“ самъ... Лошади вскорѣ пріѣхали и можно бы ѣхать, но посланный не возвращался. Выискался молодой арабъ сбѣгать и черезъ четверть часа вернулся съ бѣльемъ, за что пришлось уплатить 60 коп. вмѣстѣ съ коннымъ. Пока мы ждали посланныхъ, арабская дѣтвора окружила насъ и болтала. Когда сѣли на подводы, оказалось, что ребята стащили у Сампсона Ивановича узелокъ съ хлѣбомъ и другой съ провизіей, кто стащилъ, неизвѣстно. Абрамъ нашъ уходилъ поклониться гробамъ патріарховъ—Авраама, Исаака и Іакова.. Его пустили, какъ араба, а не магометанъ не пускаютъ туда. Изъ Хеврона мы поѣхали во градъ Виѣлеемъ, обратно по той же дорогѣ. Дорога шоссе, очень хороша. Говорятъ обдѣлана къ пріѣзду германскаго императора

Вильгельма, приѣзжавшаго во Іеросалимъ на освященіе храма (противъ Александровскаго подворья) года два-три тому назадъ.

Неподалеку отъ Виелеема мы свернули съ прежней дороги и проѣхали новыми улицами въ городъ. У католической, кажется, церкви слѣзли и пошли пѣшкомъ, такъ какъ улицы такія же узкія, какъ и въ Іеросалимѣ, на подводѣ не проѣхать.

Дорогой наши спутники любовались на виелеемскихъ женщинъ, восточныхъ красавицъ черноокихъ, въ своеобразныхъ національных костюмахъ, стройно идущихъ съ источника съ водоносами на плечахъ. Такъ вѣроятно и Рахиль несла съ водой кувшинъ, когда встрѣтилъ ее Іаковъ. Дѣтвора и здѣсь просила „паричку“, но не назойливо, а посмѣиваясь. Улицы тѣсны и грязноваты, хотя и выстланы камнемъ. Вскорѣ вышли мы на площадь, на которой находится храмъ Рождества Христова, окруженный большими зданіями въ видѣ крѣпости. Входимъ чрезъ низенькую дверь въ огромное зданіе съ колоннами—это древняя базилика временъ, говорятъ, Мануила Комнена (1169 г.). Вверху колоннъ на стѣнахъ сохранилась часть мозаики, но разобрать—что именно—трудно. По описаніямъ, здѣсь были изображенія вселенскихъ соборовъ. На колоннахъ также виднѣются фрески. Но все это запущено, загрязнено. Въ виду вражды между „православными“ и католиками, которые не довѣряютъ другъ другу, нельзя никому сдѣлать необходимый ремонтъ. Сбоку, справа, имѣется древняя каменная купель, а при входѣ—въ самой базиликѣ—казарма турецкихъ солдатъ. Взошли мы въ греческую церковь (справа) и спустились въ пещеру, мѣсто Рождества Христова, которое отмѣчено большою серебряною звѣздою. Помолились „насъ ради Воплотившемуся“ и Рожьшемуся здѣсь Предвѣчному Младенцу,—приложились къ звѣздѣ. Надъ мѣстомъ рожденія Христа виситъ множество лампадъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ показываютъ мѣсто скотскихъ яслей, гдѣ положенъ былъ рожденный Господь. Самыя ясли каменные (вѣроятно, что-нибудь вродѣ видѣнныхъ нами въ конюшняхъ Соломоновыхъ), увезены за границу (въ Римъ). Здѣсь также нѣсколько лампадъ. Поворачиваемся направо и нашъ взглядъ поражаетъ стоящій турецкій солдатъ съ ружьемъ, съ привинченнымъ къ нему штыкомъ, и это на мѣстѣ, гдѣ родился Спасъ нашъ, чтобы примирить враждующихъ. Къ сожалѣнію, именующіе себя христіанами до такой степени питаютъ другъ къ другу вражду, что были даже кровопролитныя столкновенія, и турецкое правительство вынуждено было поставить солдата со штыкомъ, чтобы охранять христіанъ другъ отъ друга...

Поклонились могилѣ блаженнаго Іеронима и его ученицъ въ особомъ, подземномъ же, какъ и пещера Рождества Христова, помѣщеніи находящимся; осмотрѣли его келью, гдѣ онъ трудился надъ переводомъ Библіи на латинскій языкъ. Поднялись наверхъ въ католическую церковь и опять прошли въ греческую, желая осмотрѣть иконы. Но кромѣ Богородичной иконы—надъ входомъ въ пещеру—древнихъ нѣтъ. Купили нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ флакончиковъ съ масломъ и прошли въ базилику, чтобы еще

посмотрѣть мозаику и фрески. Но рассмотреть что-либо лучше не пришлось: солнце уже почти закатывалось. Поспѣшили зайти въ лавки, чтобы купить на память о Виѳлеемѣ карточекъ и перламутра, здѣсь славящагося. Но цѣны, что и въ Іерусалимѣ. Купивъ нѣсколько карточекъ, поспѣшили уйти къ повозкамъ той же дорогой и вскорѣ выѣхали въ Іерусалимъ, воспѣвая Христа рождшагося въ Виѳлеемѣ. Возвратились въ подворье, когда уже стемнѣло.

11 апрѣля, пятница.

Въ 8 съ половиной часовъ, напившись чаю и закусивъ, прошли къ Яффскимъ воротамъ (къ подворью экипажамъ пріѣхать нельзя, такъ узки улицы, нѣкоторыя изъ нихъ базарныя), наняли карету четырехмѣстную (пятый, проводникъ, помѣстился на козлахъ съ кучеромъ) за 17 рублей на Іорданъ и обратно. Путь нашъ лежалъ по знакомой уже дорогѣ мимо мѣста убіенія первомученика Стефана, чрезъ мостъ потока Кедронскаго и долины Іосафатовой, вправо отъ погребальной пещеры Богоматери до Виѳаніи, лежащей на южномъ склонѣ горы Елеонской. Зашли въ пещеру, гдѣ погребенъ былъ праведный Лазарь. Она находится теперь среди строеній арабскихъ въ частномъ владѣніи. За нѣсколько „паричекъ“ арабка отперла намъ дверь и мы вошли со свѣчками въ рукахъ въ пещеру, высѣченную въ скалѣ, и спустились по ступенямъ болѣе 20, въ небольшую узкую комнату, служившую нѣкогда церковью, изъ которой еще 3 ступеньки привели къ самому ложу, гдѣ лежало тѣло Лазаря—„обязанное укройми“. Помолившись праведному Лазарю и взявъ на память нѣсколько камушковъ мы вышли наружу, дивясь и прославляя Господа, словомъ воскресившаго четверодневнаго мертвеца, который, несмотря на то, что былъ обвить плащаницами и обязанъ, скоро вышелъ изъ пещеры, изъ которой мы не безъ труда выбрались на свѣтъ Божій. Виѳанія нынѣ бѣдная деревушка, населенная арабами, исповѣдующими христіанскую вѣру.

Отсюда мы проѣхали по хорошей шоссейной дорогѣ между громадныхъ горъ, спускаясь все ниже и ниже зигзагами. Горы сначала покрыты растительностію и частію посѣвами хлѣбовъ, а потомъ ближе къ Іорданской пустынѣ и къ Мертвому морю почти голыя, выжженные солнцемъ скалы. По дорогѣ не въ далекомъ разстояніи отъ Виѳлеема въ долину между высокихъ горъ встрѣтили источникъ, единственный на всемъ пути къ Іордану, носящій названіе „апостольскаго“. Отсюда начинается Іудейская пустыня, куда въ древнее время, въ великую четырехдесятницу, удалялись св. отцы-отшельники. Встрѣчаются еще и теперь пещеры, вырытыя въ горахъ и подъ каменными плитами.

Встрѣчались пасущіеся по склону горъ верблюды, срывающіе скудную, колючую растительность. Изрѣдка встрѣчались аисты, стояшіе на одной ногѣ или шагающіе по зелени долины. На полудорогѣ до Іордана—по пути отъ Іерусалима до Іерихона—имѣется ханъ, или постоялый дворъ, на мѣстѣ гостиницы „добраго самарянина“, о которомъ Ісусъ Христосъ сказалъ

известную притчу. Здѣсь наши возчики остановились на часъ попоить лошадей, а потомъ и покормить (а не по-нашему прежде накормить, а потомъ напоить). Въ каменномъ зданіи „добраго самарянина“ есть и музей съ разными мелкими боздѣлушками, торговля и трактиръ, въ которомъ имѣется и „водка расейская“, о чемъ не замедлилъ оповѣстить насъ молодой арабъ-торговецъ: „водка, пива“, выкрикивая на ломаномъ русскомъ нарѣчій. Значить, наши мужички-паломники и здѣсь не упускаютъ случая подкрѣпиться „стомаха ради“...

Спутникъ нашъ (насъ ѣхало 10 человекъ на двухъ коляскахъ) Михайлъ Михайлычъ купилъ себѣ платокъ и жгутъ, какіе носятъ на головѣ арабы. Но только бѣлый, а не черный, въ который и нарядился, вызывая смѣхъ всѣхъ насъ и арабовъ. Покормивъ лошадей, мы стали спускаться все ниже и ниже между голыхъ горъ. Іорданъ лежитъ на 563 саж. ниже Іерусалима, и поэтому лѣтомъ въ котловинѣ пустыни Іорданской бываетъ страшная жара, и паломники тогда не ходятъ. Интересную легенду рассказалъ намъ проводникъ Абрамъ Назорей при проѣздѣ одного мѣста въ ложбинѣ этихъ горъ, „Вотъ мѣсто,—указывалъ онъ на камни,—гдѣ стоялъ праведный Лотъ во время несенія воды отъ Іордана, чтобы поливать дерево животворящее, въ Крестномъ монастырѣ“.

Мы заинтересовались и услышали слѣдующую легенду. „Когда праведный Лотъ, по уходѣ изъ Содома, согрѣшилъ съ дочерьми и проспавшись, узналъ какой грѣхъ онъ сотворилъ, то пошелъ къ Аврааму, живущему у дуба Мамврійскаго, каяться. Авраамъ наложилъ на него такую епитемію. Указавъ сухое дерево,—гдѣ нынѣ Крестовый монастырь,—велѣлъ ему ходить на Іорданъ-рѣку почерпать воду въ кувшинъ, носить и поливать это дерево до тѣхъ поръ, пока оно не станетъ вновь расти. Если оно зацвѣтетъ отъ его поливки, то, значитъ, Богъ простилъ ему грѣхъ. При ношеніи воды съ Іордана Лотъ не долженъ никому отказывать напиться изъ его кувшина. Лотъ принялъ эту епитемію и началъ носить воду изъ Іордана (разстояніе отъ Іордана до Крестнаго монастыря не менѣе 30 верстъ). Но діаволь захотѣлъ помѣшати этому дѣлу и, преобразившись въ человека, встрѣчалъ Лота, выпивалъ у него всю воду, такъ что Лотъ вынужденъ былъ вновь возвращаться за водой на Іорданъ. Это діаволь продѣлывалъ три раза и три раза возвращался Лотъ на Іорданъ за водой. Вотъ третья встрѣча и приурочивается къ указанному мѣсту, гдѣ стоялъ Лотъ, когда діаволь въ третій разъ выпилъ у него всю воду. Но послѣ третьяго раза онъ оставилъ Лота въ покоѣ и тотъ, нося съ Іордана воду и поливая дерево, наконецъ достигъ того, что дерево вновь одѣлось листьями и зацвѣло и Лотъ получилъ прощеніе грѣха. Изъ этого дерева и былъ сдѣланъ впоследствии крестъ, на которомъ распяли Христа“.

Наконецъ мы выбрались изъ горъ въ пустыню Іорданскую и взору нашему предстало Мертвое море, окруженное голыми горами. Но Іордана

еще не видать, онъ во впадинѣ и только зеленѣющій лѣсокъ показываетъ мѣсто его теченія.

Долина Иорданская — пустынная, кое-гдѣ только покрытая кустарниками, почва илистая. По ту сторону Иордана тянутся высокія горы Аммонитскія, среди которыхъ возвышается гора Нево, мѣсто кончины Моисея, откуда онъ видѣлъ и землю обѣтованную.

Солнце сильно жарило и мы заѣхали для отдыха въ монастырь св Герасима — „ему же Левъ послужи“, сооруженный на развалинахъ стараго. Монастырь обнесенъ стѣной каменной и имѣетъ видъ маленькой крѣпости. Здѣсь насъ принялъ настоятель игуменъ Серапіонъ, угостилъ обѣдомъ — ухой и жареной рыбой Иорданской и краснымъ виномъ. Слѣпой литераторъ Николай Петровичъ Петре рассказалъ намъ о закрытіи церкви въ Константинопольской патриархіи. Съ турками у грековъ большое недоразумѣніе; опасаются войны. Уговорившись съ извозчиками — прибавить имъ по 2 руб. за коляску — поѣхали къ Мертвому морю, которое было верстахъ въ шести. Провожали насъ со звономъ. Поднимаясь изъ одной глубокой рытвины, лошади не взяли сразу, попятились назадъ и опрокинули повозку. Епископъ Мелетій, сидя съ краю, на который валилась повозка, успѣлъ спрыгнуть и поддержать меня, такъ что я хотя и упалъ, но ушибся легко. Только послѣ въ колѣнѣхъ сказалаь небольшая ломота, и зонть разорвался. Этимъ и ограничилась эта единственная катастрофа. Пока поднимали повозку, помогать прибѣжали и изъ монастыря игуменъ съ монахами, мы ушли впередъ. Часто встрѣчаются дождевыя вымоины въ песчаной почвѣ и небольшія горки голой земли. Безотрадная пустыня, мѣстами только разнообразящаяся скудною растительностію по ложбинамъ, гдѣ въ дожди протекаетъ вода. Ближе къ морю появилась илистая грязь послѣ недавняго дождя. Подѣхали къ самому берегу моря, гдѣ былъ песокъ и мелкій камень, отшлифованный волнами морскими. На берегу сдѣланъ плетневый шалашъ и навѣсъ, подъ которымъ арабъ торгуетъ сластями и фруктами, предлагая и камушки разноцвѣтные съ моря. Но мы сами набрали нѣсколько и попробовали вкусъ воды. Она крѣпко солено-горькая и на рукахъ оставляетъ какъ бы маслянистое ощущеніе, но очень прозрачная; на днѣ хорошо видны камушки. Было небольшое волненіе и саженьхъ 3—5 качалась на якорѣ большая лодка для желающихъ проѣхать по волнамъ Мертваго моря. Но у насъ времени было очень мало и поэтому, дождавшись, когда о. Діонисій искупается, а дамы обматываютъ свои ноги, мы сѣли на экипажи и поѣхали къ мѣсту крещенія Господа на Иорданѣ.

О. Діонисій опровергаетъ молву, будто въ Мертвомъ морѣ нельзя потонуть. Онъ, стоя недалеко отъ берега, погружался свободно, хотя и не съ головой.

Никакого не ощущалъ онъ и покалыванія и зуда на тѣлѣ.

По преданію, на мѣстѣ Мертваго моря, называемаго арабами „Лотовымъ“, были города Содомъ и Гоморра и два другихъ (не помню названія ихъ), кото-

рые за беззаконія сожжены небеснымъ огнемъ и провалились. На ихъ мѣстѣ и образовалось Мертвое море. Окрестности его и берега дѣйствительно мертвы: ни растительности, ни птицы (хотя въ Палестинѣ вообще мало птицы), ни какой либо рыбы, ни иного живого существа нѣтъ и въ водахъ его. Рыба, попадающая изъ Иордана, впадающаго въ это море, умираетъ. Недалеко отъ мѣста, гдѣ мы остановились, стоитъ стража, охраняя отъ расхищенія соль отлагающуюся на берегу моря. Море, говорятъ, имѣетъ протяженіе верстъ 70, шириною верстъ 15. Это единственное мѣсто на землѣ: дно моря лежитъ на 370 сажень ниже уровня Средиземнаго моря.

Отсюда мы ѣхали почти рядомъ съ берегомъ Иордана, покрытымъ камышомъ, лѣсочкомъ (ивнякъ и друг.) и кустарниками. Было грязновато, и лошади наши подвигались медленно. Наконецъ мы на Иорданѣ, на мѣстѣ, гдѣ, по преданію, крестился Ісусъ Христосъ. Здѣсь на берегу огорожено мѣсто плетнемъ, часть покрыта легкой крышей. Здѣсь иногда служатся литургія и молебны. Берегъ Иордана въ этомъ мѣстѣ не высокъ, но обрывистый, въ нѣсколькихъ мѣстахъ прорыты для схода въ воду ступеньки, скрѣпленные досочками. Стоять лодки. Нѣкоторыя деревья спустились въ воду, или берегъ подмыло и они оказались въ водѣ.

Ширина Иордана—сажень 15—20. Солнце уже начинало „садиться“ и мы поспѣшили погрузить свои грѣшныя тѣла въ священныхъ водахъ Иордана. Первый раздѣлся и сошелъ въ воду епископъ Мелетій, за нимъ послѣдовали и мы, въ разныхъ мѣстахъ.

Я сошелъ по ступенькамъ и, ухватившись за дерево, спустившее свои вѣтви къ водѣ, трижды погрузился въ Иорданѣ. Вода, въ особенности сразу, показалась довольно прохладной и я поспѣшилъ выйти; теченіе довольно быстрое, отчего, а можетъ-быть и отъ дождя на дняхъ бывшаго, вода мутновата. Но епископъ Мелетій поплавалъ и спускался на дно на срединѣ рѣки, но дна не досталъ. Когда всѣ выкупались (женщины купались въ другомъ мѣстѣ—за деревьями) и одѣлись, мы, напившись воды св., пропѣли тропарь и кондакъ Богоявленію, „Гласъ Господень на водахъ“ и „величаніе“. Срѣзавъ на память прутьевъ палочекъ и вѣтокъ, мы поспѣшили уѣхать, потому что солнце уже закатывалось. Жаль было уѣзжать съ священной рѣки, гдѣ безгрѣшный Господь крестился, да освятить воды и омыть наши грѣхи. Повѣяло прохладой, слышалось пѣнье соловья; какъ бы хотѣлось остаться здѣсь подольше и подышать прохладнымъ воздухомъ, мысленно переносясь къ тѣмъ временамъ, когда „гласъ словеси и свѣтильникъ свѣта“—Іоаннъ Предотеча призывалъ къ покаянію и крестилъ людей. Здѣсь онъ увидѣлъ и указалъ народу грядущаго къ нему „агнца Божія“ и трепетною рукою крестилъ Его, слышалъ гласъ Отчій и видѣлъ Духа Св., сходящаго на Крещаемого въ видѣ голубя... Все это пронеслось въ мысляхъ и невольно взоръ нашъ обращался назадъ, чтобы навсегда запечатлѣть мѣсто священной рѣки—гдѣ все это совершилось почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ...

Стало уже темнѣть, когда мы доѣхали до монастыря Іоанна Предотечи, недавно возстановленнаго на развалинахъ древняго, въ которомъ преподобная Марія Египетская причащалась предъ отправленіемъ своимъ въ пустыню на подвигъ. Здѣсь также любовно встрѣтили насъ, накормили и дали покой. Миѣ отвели комнату, гдѣ останавливается патріархъ, и я спокойно заснулъ на кровати „Его Блаженства“, укрывшись подъ пологъ. На востокѣ всѣ кровати съ пологамъ изъ кисей, отъ насѣкомыхъ.

12 апрѣля, суббота СВѢТЛОЙ НЕДѢЛИ.

Встали мы въ 5 часовъ утра. Осмотрѣли церковь. Есть древняя икона „Тріипостасное Божество“—Спаситель благословляетъ двуперстно; у Бога-Отца же перстосложеніе такъ-называемое „младенческое“, т.-е. большой палецъ примкнуть къ 2-му суставу безымяннаго.

Поблагодаривъ игумена, о. Никифора, мы вышли изъ церкви, чтобы садиться на экипажи, и наткнулись на скандалъ. Арабъ—извозчикъ зашелъ наверхъ, гдѣ кельи, что имъ воспрещается: монахъ безъ церемоніи спровадилъ его и, вѣроятно, столкнулъ съ лѣстницы (послѣ онъ хватался все за бокъ). Когда мы вышли, то увидѣли, что арабъ, схвативъ изъ полѣнницы двѣ здоровыя палки, ринулся наверхъ, чтобы отомстить монаху. Но другой арабъ, извозчикъ схватилъ его въ охапку и вывелъ за ворота, какъ тотъ ни порывался броситься на монаха. Но монахъ вѣроятно захотѣлъ загладить оскорбленіе и, пошептавшись съ другимъ извозчикомъ, они ушли за уголь стѣны, куда пригласили и обиженнаго. Чрезъ нѣсколько минутъ вышли примиренные. „Бакшишъ“ примирилъ ихъ.

Настоятель объяснилъ намъ, что арабы страшные воры и поэтому ихъ въ кельи не допускаютъ: имъ не утерпѣть, чтобы не стянуть чего-либо.

Простившись съ игуменомъ и другими монахами (ихъ не болѣе 3—5 и мірянъ столько же), мы поѣхали къ Іерихону, извѣстному по исторіи Ветхаго Завета: стѣны его пали послѣ седмикратнаго обхожденія съ трубнымъ гласомъ. Теперь это небольшая деревушка—Ерихъ, но съ богатой растительностію, благодаря обилію воды, въ видѣ сильныхъ источниковъ: пальмы, олеандры толщиною въ обхватъ и вышиною въ двѣ—три сажени, густо покрытыя цвѣтами, спѣлые бананы. Нашъ спутникъ Иванъ Никол. купилъ тутъ же огромную кисть банановъ и мы съ аппетитомъ кушали ихъ.

Осмотрѣли источникъ пророка Елисея, который исцѣлилъ пророка, бросивъ въ него соли.

Двѣ цистерны со стѣнами, выложенными камнемъ, наполнены этой водой, которая сильной струей течетъ въ Іерихонъ, напоая сады его.

Оставивъ здѣсь лошадей, мы пошли къ Сорокадневной горѣ, гдѣ Ісусъ Христосъ постился 40 дней и былъ искушаемъ сатаною. На дорогѣ посмотрѣли на раскопки древняго Іерихона. Ничего еще существеннаго не нашли, кромѣ небольшихъ стѣнъ изъ небольшихъ камней. Прошли мимо хлѣбныхъ полей: ячмень уже начали жать.

Поднявшись на полгоры по неудобной каменистой дорогѣ, мы порядочно вспотѣли, и предстояло подниматься на очень крутую гору—къ монастырю, прилѣпившемуся къ отвѣсной скалѣ и висящему надъ пропастью—какъ ласточкино гнѣздо. Проводникъ нашъ тоже напугалъ насъ трудностію восхожденія и мы, съ епископомъ Мелетіемъ и Иваномъ Николаевичемъ, отказались отъ посѣщенія монастыря и вершины 40-дневной горы, а вошли въ монастырскій садъ, обнесенный каменной стѣной. Наши же спутники пошли выше; не отсталъ отъ нихъ и старикъ Михаилъ Михайловичъ.

Пока они взбирались туда, мы въ бинокль смотрѣли на ихъ восхождение, а болѣе на монастырь, дивясь устройству его. Нѣкоторыя зданія, лѣпясь по горѣ террасами, буквально висѣли надъ пропастью. Виднѣлась церковь съ колокольною, ряды зданій, выше и ниже по утесу горы. На самой вершинѣ горы виднѣлась каменная ограда, за которой (какъ послѣ сказали намъ побывавшіе тамъ наши спутники) заложена церковь. Въ монастырскомъ саду, гдѣ мы остались, протекалъ хорошій источникъ, орошая садъ съ массою банановъ, виноградниковъ и фруктовыхъ деревьевъ. Монахъ-садовникъ угостилъ насъ бананами и свѣжими огурцами. Черезъ нѣсколько времени изъ монастыря сошелъ игуменъ о. Авраамій,—строитель монастыря сего, и принесъ въ корзинкѣ угощенія—пива и краснаго вина. Поздоровался съ нами, поцѣловавъ наши руки, ибо узналъ, что мы епископы, и высказалъ сожалѣніе, что мы не удостоили своимъ посѣщеніемъ его монастырь. Пожалѣли и мы, ибо оказалось, что восходъ туда болѣе легкій, чѣмъ уже пройденный нами: дорожки проложены зигзагами, имѣются и лавочки для отдыха. Угостилъ насъ о. Авраамій брынзой (овечьимъ сыромъ) и огурцами. Онъ грекъ, но говорить и по-русски.

Съ арабами онъ живетъ хорошо, даритъ ихъ и угощаетъ, и они за дешевую цѣну отвели ему большой участокъ—подъ садъ и посѣвъ.

Когда сошли съ горы наши спутники и немного отдохнули въ саду, мы спустились къ источнику Елисея пророка и поѣхали по весьма неудобной каменистой дорогѣ въ гору; лошади съ трудомъ тащили повозки, пришлось сойти и идти пѣшкомъ.

Оказалось, что Абрамъ захотѣлъ сократить путь и кстати зайти въ монастырь Георгія Хозевита.

Рѣзко побранили его за эту дорогу Михаилъ Михайловичъ и, въ особенности, Иванъ Николаевичъ. Но дѣлать было нечего. Солнце пекло очень сильно и это восхождение показалось намъ труднѣе чѣмъ на 40-дневную гору. Усталые, мы отказались зайти въ монастырь Георгія Хозевита, прилѣпившійся гдѣ-то въ ущельѣ, посреди горъ, но съ сильнымъ источникомъ, который мы видѣли и переѣзжали въ Іерихонѣ. Взобравшись съ трудомъ на гору мы сѣли на экипажи и проѣхали до гостинницы „добраго самарянина“, гдѣ покормили лошадей и сами закусили и въ 7 съ половиной часовъ вечера благополучно возвратились въ Іерусалимъ.

13 апрѣля, Оомино Воскресенье.

Стояли за литургіей—служившейся въ кувукліи. Служилъ патріархъ—архіепископъ Мелетій Іорданскій. Насъ поставили около кресла его, съ правой стороны, ближе къ входнымъ дверямъ Воскресенскаго храма; здѣсь и облачали его. Что пѣли—мы не узнали. По входѣ съ Евангеліемъ—обошли около кувукліи—духовенство и архіепископъ взошли въ часовню (кувуклія) и стали около престола, которымъ служитъ часть камня, отваленнаго ангеломъ отъ гроба, обложенная мраморомъ; жертвенникомъ же служитъ Гробъ Господень. На чтеніе апостола и Евангелія архіепископъ (съ сослужащими) вышелъ и сѣлъ на кресло, гдѣ облачался. Апостолъ по-гречески читалъ монахъ или пѣвецъ изъ хора, а по-славянски—простой мужикъ въ пиджакѣ—неважно. Евангеліе по-гречески читалъ діакопъ, а также діаконъ читали и по-славянски и по-арабски. Діаконъ (ихъ служило 4) кадятъ и сказываютъ ектеніи съ трикиріями и дикиріями въ рукахъ.

Нѣкоторыя ектеніи сказывали по-русски и хоръ пѣлъ также, подражая русскимъ, трехголосно. Сами греки обычно поютъ въ унисонъ, но кое-гдѣ замѣтно вліяніе и русскаго трехголосія.

Во время причастнаго стиха намъ предложили приложиться ко Гробу Господню. Мы вошли и усердно помолились за живыхъ и усопшихъ братій своихъ (я прочелъ записки, имѣющіяся у меня для проскомидіи). За представляемаго Онисима Михайловича Мальцева—положили 15 поклоновъ, по обычаю.

По литургіи архіепископъ Мелетій вошелъ въ большой олтарь храма Воскресенія (мы туда ушли послѣ поклоненія Гробу Господню) и пригласилъ насъ на чашку кофе.

Мы пошли за нимъ въ патріархію: впереди, за кавасами, шли младшее духовенство по обычаю, а во главѣ архіепископъ—въ мантии и панагії, потомъ мы. Въ патріархіи, въ пріемномъ залѣ патріарха, все духовенство пило воду холодную съ глико и потомъ кофе.

Затѣмъ духовныя лица получили—одинъ по единому подходу—благословеніе, которое состояло въ томъ, что подходящій кланялся архіепископу, бралъ его руку и цѣловалъ (митрополиты руки не цѣловали) и въ ланиту другъ друга очень чинно, и ушли. Мы хотѣли послѣдовать за ними, но архіепископъ Мелетій задержалъ насъ. Побесѣдовали съ нимъ, рассказавъ—какія посѣтили священные мѣста, и что всюду насъ хорошо принимали и мы благополучно путешествовали. Архіепископъ Мелетій сказалъ, что Богъ вамъ содѣйствуетъ, потому что вы не подзирать пріѣхали, а молиться. Мнѣ посовѣтовалъ—шутя—малую мантию, закапанную воскомъ во время торжествъ въ храмѣ,—положить на сохраненіе и заповѣдать положить въ ней по смерти.

Простившись—ушелъ. Мы намѣревались тоже уйти, но архимандритъ Каллистъ шепнулъ намъ, чтобы остались; къ намъ выйдетъ „его блаженство“ патріархъ, который не совсѣмъ здоровъ и никого не принимаетъ, но

намъ сдѣлаетъ исключеніе. Мы остались. Минуть черезъ пять вышелъ патріархъ, съ лицомъ утомленнымъ. Поздоровался съ нами по обычаю—цѣлованіемъ въ уста. Сѣли—и опять угощеніе: вода съ глико, кофе. На нашъ вопросъ о здоровьи отвѣтилъ, что утомился: поклонники, а тутъ еще интриги житейскія и политическія. Мы спросили дѣйствительно ли въ Константинополѣ закрыты церкви въ патріархіи, какъ намъ сообщилъ слѣпецъ въ монастырѣ преподобнаго Герасима? Патріархъ отвѣтилъ, что въ Θεσσαλίи турки тѣснятъ и выселяютъ грековъ, которые вынуждены бѣжать оттуда. Нѣкоторые заявили жалобу вселенскому патріарху Герману и онъ, въ видѣ протеста за насиліе, закрылъ церковь въ патріархіи и не совершалъ торжественную вечерню на первый день, не было и приѣма. По нашей просьбѣ патріархъ назначилъ намъ время завтра въ 5 часовъ для бесѣды. Простившись съ его блаженствомъ мы ушли. Въ № у насъ былъ архимандритъ Пантелеймонъ, принесъ свое сочиненіе „Описаніе св. мѣстъ Палестины“. Просилъ рекомендовать оное въ Россіи. Передалъ, что русскій консулъ говорилъ патріарху, чтобы не разрѣшалъ намъ облачаться. Значить изъ Россіи и сюда „холодомъ вѣтъ“, хотя мы и не искали дозволенія облачаться. Разказалъ это о. Пантелеймонъ на наши слова, что мы вездѣ встрѣчаемъ любезное отношеніе къ себѣ отъ греческаго духовенства; только русское и здѣсь враждебно относится къ намъ: ни одинъ и не похристосовался съ нами.

О. Пантелеймонъ еще сообщилъ намъ сенсационное извѣстіе, будто Константинопольскій патріархъ Константинъ,—предшественникъ нынѣшняго, пострадалъ изъ-за того, что въ Синодѣ высказался за признаніе нашей іерархіи и что старообрядцевъ въ Россіи 25 милліоновъ. За это, по настоянію Русскаго правительства, былъ смѣщенъ. Объ этомъ, будто, даже писалось въ ихъ, греческихъ, журналахъ и газетахъ.—Если это правда, то очень некрасивая для русскаго Синода исторія... Вотъ какъ боятся нашей іерархіи.

Въ 4 часа мы пошли съ Екатериной Максимовной на крестины къ ея земляку Стефану Захаровичу въ домъ. Крестили его дочь новорожденную.

Крещеніе происходило въ залѣ, гдѣ не было ни одной иконы. Постелили бѣлое полотно на полъ и поставили купель, подобно нашей. Влили 3 кувшина воды холодной и одинъ горячей. Поставили 3 свѣщи въ спичечницу, на столикѣ. Священникъ-грекъ мірской (единственный на весь Іеросалимъ) пришелъ съ сынишкой, который несъ потребникъ, а самъ—узедъ съ облаченіемъ. Надѣлъ епитрахиль безъ поручей и засучивъ рукава рясы смѣшалъ воду рукой. Осѣнивъ рукой крестообразно (сначала безъ перстосложенія, а заканчивая крестъ сложилъ именовсловно, какъ и проч. дѣлали: патріархъ, митрополиты и архимандриты благословляя на „миръ всѣмъ“ народъ) началъ читать молитвы. Восприемникъ былъ братъ Степана Захарыча, который и держалъ младенца на одѣялѣ на рукахъ, въ коихъ было по большой свѣщѣ съ лентами. Дали и намъ по свѣщѣ и другимъ зрителямъ—взрослымъ и дѣтямъ, коихъ набралось полно домъ. Послѣ

молитвъ и отрицанія на западъ и обращенія на востокъ, кумъ читалъ „Вѣ-
рую“, но путался, и поэтому послѣдніе два раза символъ прочла за него
Екатерина Максимовна. Потомъ еще подлили воды. Священникъ облачился
въ фелонь,—безъ обшивки позументомъ и безъ пуговицъ. Показали кругомъ
купели и народъ,—насъ особо каждого.

Свѣщами не осѣнялъ воду; нѣкоторые прошенія ектеніи говорилъ по-
славянски. Болгары, гости, съ Екатериной Максимовной отпѣвали: „Господи
помилуй“ и „киріе елейсонъ“. Масло было приготовлено въ стаканчикѣ.
Помазывалъ перстомъ, омакая его въ стаканчикъ и дѣлая маленькій крестъ,
очень скоро. Оставшееся—вылилъ въ купель.

Закинувъ полы ризы на спину, гдѣ ему ее зашили, взялъ младенца
и трижды погрузилъ, не поворачивая, а только выжидая, когда отдышится
младенецъ. Зрители на всякое произнесеніе имени святой Троицы и погру-
женіе говорили „аминь“. А къ послѣднему даже трижды: „аминь, аминь,
аминь“. Мѣромъ помазывалъ также перстомъ и на тѣхъ же мѣстахъ, какъ
и масломъ. Помазывалъ и подошвы ногъ. Апостолъ читалъ самъ, ибо не
было умѣющихъ по-гречески.

Около купели водилъ трижды противъ солнца, съ пѣніемъ болгаръ:
„Елицы во Христа“. Усерднѣе всѣхъ и складнѣе пѣла опять Екатерина
Максимовна. По помазаніи мѣромъ ушли одѣвать младенца въ другую ком-
нату, гдѣ постригъ и власы, на что Екатерина Максимовна замѣтила, что
здѣсь надо бы, чтобы мы могли видѣть. Когда кумъ съ младенцемъ вошли
опять, кто-то (я не замѣтилъ кто именно) осыпалъ младенца и насъ мел-
кими монетами и монпансье. Дѣти бросились подбирать то и др. Взяли и
мы, по предложенію Екатерины Максимовны, на память.

На память же раздавались жетончики съ ленточкой, съ изображеніемъ
на одной сторонѣ Рождества Христова, на другой—Крещенія. Послѣ было
подано угощеніе по восточному обычаю. Дольше мы не могли оставаться и
поблагодаривъ хозяина и простившись съ гостями (съ нѣкоторыми обмѣня-
лись визитными карточками), ушли въ № къ себѣ.

Еще до совершенія чина крещенія, дожидаясь священника, мы поинте-
ресовались о количествѣ воспріемниковъ, допускаемыхъ у нихъ при кре-
щеніи. Они объяснили, что безразлично: воспринимаютъ и одинъ и два;—
одинъ мужчина—чаще, одна женщина—рѣже. Еще рѣже бываетъ пара вос-
пріемниковъ.

Воспринимающіе—будетъ ли то мужчина или женщина, входятъ въ
духовное родство съ воспринятымъ, какого бы пола онъ ни былъ. Они
очень удивились, когда мы сказали, что въ русской церкви въ родство
входятъ только кумъ съ крестникомъ и его матерью или кума съ крестницей
и ея отцомъ. Эти только лица и не могутъ брачиться. Кумъ же, воспри-
мавшій дѣвочку, можетъ впослѣдствіи взять эту свою крестницу въ за-
мужество, а также крестникъ можетъ вступить въ бракъ съ своей крестной
матерью.

Да, забылъ я сказать, что священникъ послѣ помазанія мѣромъ умылъ руки съ мыломъ, а также и кумъ.

Идя на крестины, Екатерина Максимовна показывала намъ мѣсто продающееся противъ дома Степана Захарыча, большое. Цѣна до 10 золотыхъ за сажень. Но иностранцамъ не дозволяется покупать.

14 апрѣля, понедѣльникъ Еоминой.

Въ 8 часовъ утра мы съ о. Каллистомъ заходили въ контору Кука—справиться о стоимости кругового билета—отъ Кайфы въ Москву, черезъ Александрію, Бари, Римъ, Неаполь, Венецію, Триестъ и Вѣну.

Сосчитали, что во 2-мъ классѣ стоитъ 440 франковъ до Вѣны, а до Москвы 530 франковъ съ человѣка. Затѣмъ мы взяли карету и трое (епископъ Мелетій, я и о. Каллистъ) проѣхали въ Крестный монастырь, за горой близъ Іеросалима. Путь около стѣны Іеросалимской: дорога, ближе къ монастырю каменистая, плохо расчищенная. Въ этомъ монастырѣ ранѣе была греческая семинарія, но по недостатку средствъ и по другимъ причинамъ закрыта и переведена въ другое мѣсто. Основанъ монастырь грузинами въ XI вѣкѣ. Обнесенъ стѣной каменной, какъ крѣпость. Игуменъ встрѣтился намъ,—ѣхалъ на осликѣ съ узломъ въ рукахъ въ городъ, но ради насъ возвратился; имя его Елевферій. У него горло болитъ и онъ страшно кашляетъ, говоритъ съ трудомъ. Осмотрѣли церковь. Порядочная. Хорошо сохранились фрески, въ особенности хороши на столбахъ иконостаса, между дверей,—Спаситель во весь ростъ, больше обыкновеннаго, съ правильнымъ двуперстнымъ сложеніемъ, и Владычица такого же размѣра, на другой сторонѣ иконостаса. На столбахъ въ церкви фрески съ изображеніемъ святителей: Николы, Кирилла Александрійскаго и другихъ—съ двуперстіемъ. Есть и съ именованнымъ, но поправленные и вновь переписанные *). На правой стѣнѣ развѣшаны „праздники“, вершковъ 6—7, русскаго древняго письма.

Въ иконостасѣ Спаситель—тоже. Въ нижней церкви показываютъ мѣсто (углубленіе), гдѣ, по преданію, изросло древо, изъ коего сдѣланъ былъ крестъ Спасителю (куда, по легендѣ и разсказу Абрама-проводника, Лотъ носилъ волю съ Іордана для поливки сухого дерева. Спросить игумена объ этой легендѣ мы забыли). Игуменъ пригласилъ насъ къ себѣ въ пріем-

*) Мозаики и фрески Крестнаго монастыря, основаннаго Грузинами въ XI вѣкѣ, какъ и многіе другіе, видѣнные нами на Востокѣ, съ правильнымъ двуперстнымъ сложеніемъ, ясно доказываютъ, что въ древности на Востокѣ—въ Палестинѣ, Греціи, Египтѣ, Грузіи,—христіане употребляли одно престосложеніе, какъ для благословенія, такъ и для огражденія себя, двуперстное (Ср. Пидалионъ, стр. 259). Это перстосложеніе и принято было русскими отъ грековъ при крещеніи. И только гораздо позднѣе, приблизительно около времени Стоглаваго Собора, стало появляться такъ называемое именованное, что — по мнѣнію профессора Н. Ф. Каптерева—и побудило Отцовъ Церкви изнести такую клятву: „аще кто двѣма персты не благословляетъ, якоже Христосъ, или не воображаетъ крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ“ (Стоглавъ, гл. 31).

ную и угостилъ по обычаю водой съ глико и кофе. Простившись, мы поѣхали изъ монастыря по той же дорогѣ въ монастырь Катамони (уединеніе), гдѣ патріаршая дача. Ёхать пришлось кругомъ горы, ибо проѣзда прямо нѣтъ, но пѣшкомъ можно пройти.

Проѣзжая сюда, мы видѣли много новыхъ загороженныхъ мѣстъ и построекъ. Здѣсь на землю цѣны не высоки (6—7 р. сажень), но нужно много труда, чтобы очистить мѣсто отъ камней.

Монастырь Катамонъ новый, а также и церковь и пещера, выдаваемая за пещеру Симеона Богопріимца. Игуменъ—глубокій старикъ—Евсевій. Прислуга—негритянка, старуха. Угощеніе обычное. Возвратились домой въ 12 часовъ дня.

Въ 3 часа былъ Николай Романычъ,—изъ Палестинскаго о-ва,—совѣтовалъ ёхать на лошадяхъ до Наблуса; тамъ, верстахъ въ 20, открылась желѣзная дорога до Тиверіады.

Утромъ отдали Быстрову визировать паспорта у русскаго консула. Послѣ, говорить, будто это не обязательно для не „паломниковъ“, но другіе насъ предупреждали о необходимости сего, иначе взыщутъ большой штрафъ.

Къ 5-ти часамъ пошли въ патріархію, какъ намъ было назначено патріархомъ. Сначала пришли въ комнату о. Каллиста (секретарь патріарха), ибо патріархъ былъ занятъ. Здѣсь насъ угостили по обычаю и побесѣдовали около часу. Поговорили о прежнихъ притѣсненіяхъ въ Россіи старообрядцевъ не только въ совершеніи богослуженія, внѣ молитвенныхъ домовъ, но даже и въ одеждѣ и въ волосахъ: какъ духовныхъ лицъ старообрядцевъ раздѣвали и одѣвали въ пальто, остригали волосы, архіереи сидѣли десятками лѣтъ въ казематахъ Суздальскаго монастыря. Объ этомъ о. Каллистъ, будто, не слыхалъ и очень удивлялся. Послѣ дарованія Государемъ Николаемъ Александровичемъ свободы вѣроисповѣданія и отпечатанія алтарей Рогожскаго кладбища старообрядцы вздохнули свободнѣе. Въ настоящее время, рассказывали мы, совершаемъ крестные ходы, строимъ храмы. Но окончательно свобода эта не закрѣплена еще законодательными палатами и не стала закономъ. Отсюда частичныя, по мѣстамъ, притѣсненія и лишенія дарованнаго права.

(Мы тогда еще не знали о новомъ выступленіи Синода, по отзыву коего старообрядцы были одно время лишены права производства въ офицеры).

Но вообще и современное духовенство еще враждебно относится къ старообрядцамъ: по настоянію его издаются циркуляры, по коимъ преслѣдуютъ судомъ нашихъ священниковъ за присоединеніе не достигшихъ 21 года и за совершеніе таинства надъ таковыми.

Говорили, что миссіонеры распустили молву, что греки крестятъ обливательно и что такъ крещенъ былъ и митрополитъ Амвросій; слѣдовательно, іерархія „бѣлокриницкая“ отъ обливанца и недѣйствительна. Это дѣлается, чтобы удержатъ безпоповцевъ и бѣглопоповцевъ отъ примѣренія съ нами. Лучше, по мнѣнію миссіонеровъ и духовенства Г. Ц., пусть они остаются внѣ церкви, въ настоящемъ положеніи, но не присоединяются къ